

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение города Москвы «Московский колледж управления, гостиничного бизнеса и информационных технологий «Царицыно»

В честь прадедушки переименовали город

Чекалина Валерия Денисовна, студентка 1 курса

Руководитель: Лицарева Александра Федоровна, педагог-организатор

Уверуй, что всё было не зря: наши песни,
наши сказки, наши неимоверной тяжести победы,
наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку.

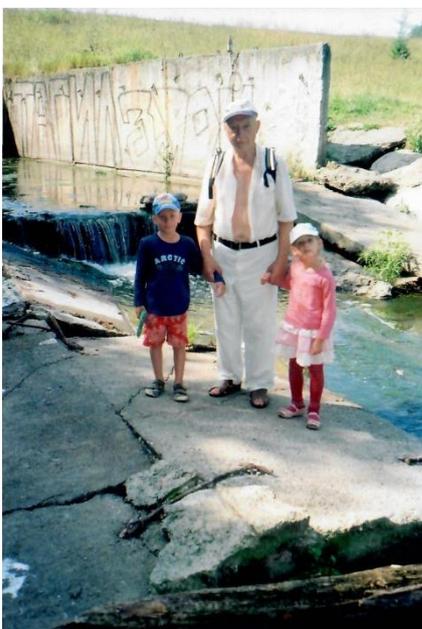
Мы умели жить. Помни это. Будь человеком.

В. М. Шукшин, писатель, режиссер, актер (1929–1974)

Меня познакомили с историей моего рода моя бабушка Чекалина Нина Ивановна и дедушка Чекалин Михаил Алексеевич. Они всегда очень много рассказывали нам с братом о военных годах, водили нас по историческим музеям, выставкам и старались привить нам любовь к истории нашей семьи. Больше всего мне рассказывала об Александре Чекалине моя бабушка Чекалина Нина Ивановна.

Мы с братом Гошей – двойняшки

Мы с братом Георгием и дедушкой Михаилом Алексеевичем. 2011 г.

Удостоверение моего дедушки Чекалина Михаила Алексеевича

Я хочу рассказать о ЧекаLINE Александрe Павловиче (1925–1941). Знаю, что мы родственники, хоть и очень дальние. Горжусь его подвигом.

В Центральном музее Вооруженных Сил РФ есть целая инсталляция, посвященная ему. Александр Чекалин является троюродным братом моему дедушке.

Я с документами и книгой в библиотеке колледжа «Царицыно»

НАЧАЛО войны стало началом разлуки. Сын Шурка, весельчак, фантазер, непоседа, вдруг очень серьезно сказал: «Мама, за меня волноваться не надо. У нас просто будут маневры. Узкая скорей и береги Витьку». Тянувшая, тупая боль сдавила и не отпускала сердце матери. У них просто будут маневры. Значит, добился-таки: выжили в партизаны. А ведь мальчишке только шестнадцать...

Война уже врывалась в дома повестками, расставаниями, тревогой, незнакомо гудела, свистела, скрежетала и ушла где-то совсем неподалеку. В клеповом и яблоневом, еще недавно столь тихом Лихвине, что в Тульской области, все вдруг забурило, задвигалось. Горькое слово — эвакуация — определило смысл и темп его жизни.

Из воспоминаний инструктора конного взвода истребительного отряда, впоследствии партизана-орденоносца И. Н. Сорочкина:

— Занимался с ребятами без перерыва почти два часа. Коня устали, ну а люди — подавно. Командую: «Стой! Слезай! Пять минут — отдых, потом — домой!» И тут Шурка Чекалин, прямо с обидой: «Как отдых, товарищ командир?! Давайте еще упражняться, ведь дни летят, а мы должны быть лихими конниками, чтобы лупить фрица без промаха».

В скором времени конному взводу дали задание прочесать лес... Шел холодный осенний дождь. После суточной трясцы в седле Шуркины сверстники приуныли, понурили головы. Но Шурка то приметит что-то рассказывать, то песню затанет, то шутить начнет. «Эх вы, герои, — подзадоривал он друзей. — Мерзнуть в такую пору — позор. А еще шпионов и диверсантов ловите! Братцы, не раскисайте!»

«Шурка-неунывака» — это шутовское прозвище накрепко пришло к проворному черноглазому подростку в октябре 1941 года, когда бойцы истребительного батальона вылаживали по лесам вражеских парашютистов. В промежутках между операциями рыли землянки для партизанского лагеря — линия фронта неумолимо приближалась к родным местам.

Шурка вступил в партизанский отряд не один: вместе с отцом, известным охотником и пчеловодом Павлом Николаевичем Чекалиным. «Теперь сильная половина нашей семьи воет, а слабая дендильной трудится», — говорил Шурка, думая, что мать и младший брат Витька эвакуировались в тыл.

В отряде Чекалин-сын (здесь

его называли Сашей) сразу же стал незаменим. Он был единственным радиотехником (благодаря его умелым рукам партизаны слушали голос Большой земли), расторопным заготовителем продуктов к зиме (ухитрился под самым носом у оккупантов собрать урожай с колхозного поля и вывезти в лагерь полную телегу картофеля и капусты), отважным подрывником (вместе с другими бойцами ну-

ренка. Его трижды ставили к стенке и, угрожая расстрелом, требовали сведений о партизанах. Саша молчал и был на волоске от гибели. Он не просто молчал, но и думал о победе: чуть зазевались конвойные — и разведчик Чекалин кубарем скатился в овраг, нырнул в спасительный лес, где каждая тропка знакома... Бойцы, прождавшие его три дня, уже не чаяли свидеться. А он появился в

виной — однако о его внезачном визите в родной дом узнали. Сначала — друзья (они принесли Саше поест, перевязали рану), потом — враги. Когда Чекалин увидел, что его окружили, он вышиб окно, выхватил из-за пояса гранату, метнул ее в фашистов. Граната... не разорвалась.

С этой минуты началось самое страшное и самое героическое в жизни Александра Чекалина. Он выдержал пытки. Не сломился. Не сдался.

6 НОЯБРЯ, на рассвете, Шурку повели на расстрел. Гитлеровцы хотели этой «показательной казнью» по-своему отметить приближение Великого Октября.

Александр не переставал верить, что партизаны рядом и вот-вот отобьют его у фашистов. Еще ему казалось, что и мать где-то совсем близко, он даже чувствовал пронзительный взгляд ее голубых глаз и слышал подбадривающие слова: «Держись, Шурка, верю в тебя, сынок».

Уже старое знакомое дерево на лихвинской площади перед ним, уже перед глазами неглы. И тут Шурка загал «Интернационал». Он пел о себе. Пел о матери и о Годи-

не. Он уже не видел площади, которая годы спустя будет зваться его именем. Как в город Лихвин — Чекалиным. Как и морской лайнер — Чекалиным. Как и многие улицы, школы, колхозы, пионерские отряды...

МАТЕРИ Героя Советского Союза Александра Чекалина шли письма и телеграммы.

От школьного товарища Шурки Владимира Кузнецова:

«В газете «Комсомольская правда» я прочел о смерти моего друга Александра Чекалина.

Эта статья из газеты мною прочитана среди бойцов моего подразделения, которое соболезнует Вам, матери героя и обещает мстить оголтелому хищнику до полного его уничтожения. Пусть знает он, что убив Сашу, он имеет дело с миллионами других сыновей нашей Родины, которые будут бить его до полной победы...»

Так снова и снова возрождался для жизни среди новых поколений Александр Чекалин, самый молодой Герой Советского Союза. Завтра ему исполнилось бы 60 лет.

Д. ПОЛЯКОВА,
кандидат исторических наук, доцент ВКШ при ЦК ВЛКСМ,

В. ХОРУНЖИИ,
кандидат исторических наук, зам. заведующего Центральным архивом ВЛКСМ.

И ГОРОД НАЗВАЛИ ЧЕКАЛИН

Он хранит память
о подвиге героя-
комсомольца

скал под откос вражеские поезда и автоколонны), бесстрашным разведчиком.

Из воспоминаний партизана Н. С. Митькина — дяди Коли:

— Особенно любил Саша ходить в разведку. И все больше — в одиночку. Темными осенними ночами он ориентировался, как днем, делая переходы лесом до 20 километров. Кроме разведсведений, Саша всегда добывал у немцев оружие.

Поручались Саше и дела исключительной важности. Например, переправа через Оку нашей воинской части, выхившей из окружения. Участвовал Саша и в дерзком нападении на крупный гитлеровский склад боеприпасов, разместившийся в селе Песковатском. Переоденшись в немецкую форму, партизаны с невозмутимым видом, якобы выполняя приказ оккупационных властей, перевезли автоматы, винтовки и патроны в «другую точку дислокации» — к себе, в лес.

САША был человеком стальной храбрости, не раз хаживал по краю пропасти. Оп, конечно, не мог не понимать, что за ним по пятам ползет злоба и ненависть кулаков и подкулачников, которых в свое время вывела на чистую воду его мать-коммунистка, многие годы возглавлявшая песковатский колхоз и сельсовет. Однако Чекалин считал себя «везунком». Но беда все-таки наступила Сашу: староста Авдюхин выследил па-

командирской землянке с веселой прибауткой: «Я от дедушки ушел, а от бабушки ушел, а от тебя, фриц, поганый, и подавно уйду».

Партизанский отряд набирал силу, все чаще и чаще встречаясь с врагом в жестоких огневых поединках. В одном из боев Сашу ранilo в ногу. Да тут еще привязалась простуда. Саднило грудь, горло раздирало кашель, а в землянке — сырость. Саша вынужден расхворался. Командир решил послать больного отлежаться в деревню Мышбор, где у партизан была надежная связь через семью учительницы А. А. Музалевской. Саша согласился, только с условием, что ему, как всегда, будет дано оперативное задание.

С незажившей раной, весь в жару, он с трудом добрался до Мышбора и понял, что здесь только что побывали каратели: дома разорены, заборы повалены, собаки пристрелены. И самое страшное — учительница Антонина Алексеевна арестована. Оставаться нельзя, а сил на обратный путь к партизанам уже не было. Чекалин решил заночевать в родительском доме, где их семья жила до переезда в Лихвин. В промерзшей заколоченной избе он затопил печь, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Ветра нет, значит, дым из трубы не повалит, а будет тихо стелиться по крыше. Но то ли искры над трубой, то ли свет в прорезях между ставнями

КОГДА ЕМУ БЫЛО ШЕСТНАДЦАТЬ

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ — охотник азартный. Правда, в последние годы все реже и реже выбирается в лес. «Вот раньше, бывало, с Сашкой...» — и замолкает на полчаса.

Он смотрит на меня, и из уголка глаза выкатывается слезинка: сыну сейчас было бы 56 лет, и внук его, Павла Николаевича, был бы таким, как я.

В самом страшном проклятии желают отцу пережить сына. Великое горе пережить своих детей. Сколько бессонных ночей, сколько забот и радости принес сын в дом. Как растыл, как наделался. Но пришла война и распорядилась по-своему. И вот отцу уже восемьдесят два, а сыну все еще шестнадцать. Навели шестнадцать.

Герой Советского Союза комсомолец Александр Чекалин, бесстрашный партизан — для отца он попрежнему Сашка, обычный деревенский паренек. Сейчас, покопавшись в памяти, и можно вспомнить что-нибудь этакое. Но не, и чему злунуть. Рес боконогий и улыбающийся, и шалит, и нагоняй получал. Только вот часто по ночам снится отцу не по-детски серьезные глаза сына.

Из детства. До сих пор слышит отец это звонкое: «И пионер!» Сын стоял на пороге, широко раскинув руки. Тесна ибенка стала для такой радости. А чтобы стать поскорее комсомольцем, даже липиний год себе наваял.

— Так и написано у него в членском билете: «Год рождения — 1924».

40 лет назад героически погиб легендарный партизан-разведчик комсомолец Александр Чекалин

В доме-музее все хранит о нем память. Здесь его вещи — двустольная и патристич фотоаппарат и маюлина тетради и книги. Сашка много читал. Мечтал закончить институт и строить города.

Все просто в доме: скамейка, русская печь с чугунами и сковородками, рядом — рукомойник. В уголке — железная узенькая кровать. Здесь, на стене, — «закононое» место у всех мальчишек. Во все времена мальчишки вешали сюда портрет своего кумира. Над кроватью Сашки — портрет В. И. Ленина в скромной самоделной рамке.

А в школе, где учится Сашка (теперь это Чекалинская средняя школа), где в ороке первом перешел в десятый класс, все, конечно, уже по-другому. Но выходу в один кабинет, ровную линию повешенных, с иголочки, столов ломает старенькая парта в первом ряду. И бронзовая табличка: «За этой партией в 1941 году сидел Саша Чекалин».

Живы люди, которые знали Чекалина. Они могут многое рассказать о своем героеземляке — им гордятся! Сейчас, спустя сорок лет, о Саше можно услышать много удивительных историй. Что же, все верно. Во все времена народ слагал легенды о лучших своих сыновьях. И, я уверен, любой, даже самый фантастический, рассказ о Саше —

правда! В каждом городе, в каждой деревне жили и сражались с врагом 16-летние герои. Многие погибли безвестными, но про их славы подвиги передаются легенды.

— Сашка прослышал, что организовывается отряд по борьбе с диверсантами, — рассказывает Павел Николаевич. — Сразу пристал к командиру: примите да примите. Мол, на лошадах ездить умею, лес знаю хорошо. Ну, его и взяли. Затем стали организовывать партизанский отряд. Здесь уж без него не обошлось. Так стал сынок партизаном.

Отряд «Передовой» вначале насчитывал 23 бойца. Его основной задачей было контролировать шоссеные дороги Кюсельск — Белов и Перемышль — Лихвин, мешать продвижению по ним гитлеровских войск. Для этого надо было иметь везде глаза и уши.

Самые зоркие глаза — у мальчишки. Так стал Саша разведчиком, отважным и находчивым. Исполнял он обязанности радиста, участвовал в боевых операциях, но основное его дело было разведка. Отчаянным он был парнем. Черту в зубы лез.

Саше везло. Сколько раз был в труднейших переделах. И ничего. Раз даже арестовали их с отцом гитлеровцы, повели расстреливать. Однако удалось бежать.

Но война есть война. И забирает она много жизни. А уж кого выберет: лейтенанта или генерала, где выберет: в первом или во втором дивизионе, как возьмет: прицельной очередью из автомата или осколком шального снаряда, когда возьмет: в первый день боя или с последним выстрелом — предугадать нельзя.

В ноябре Саша заболел. Очень была холодной и сильной. Отряд же был в землянках. Командир приказал ему отлежаться в деревне. Тайно пробрался Саша в родное село, в свой дом. Но и здесь не остался без дела. Фанцисты восстанавливали мост через Оку. Саша подолгу лежал в кустах, высматривая, как движется работа, где стоит посты, через сколько времени меняются охранники.

В маленьком селе трудно сохранить что-либо в тайне. Юный разведчик понимал это. И все же за стенами не прятался. Узнав, что Саша дома, друзья-мальчишки пригласили его мяса, молока, меду.

— Все, что надо, сделал, завтра уложу, — сказал им Саша.

Но не успел. Староста Никифор Авдюкин (да будет проклято время это имя!) пришел утром гитлеровцев.

Двенадцать солдат боялись одного подростка, почти мальчишка. Они не решились войти в дом, а стали стрелять из автоматов.

Рассказывают, что Саша Чекалин, понимая, что из дома ему не вырваться, решил взорвать себя и врагов. Он за-

таился в избе, а когда фашисты ворвались и окружили его, бросил гранату под ноги. Однако она не взорвалась.

Люди видели, как избитого, окровавленного, привязанного веревками к мотоциклетной лямке Чекалина подвели к зданию аптеки, расположенной на центральной площади Лихвина, и волоком потащили в подвал. Саша был без сознания.

Его пытали. Страшно. Горюжале, согнанные на казнь, плакали, когда увидели, что сделали с Сашей. Нобый до неузнаваемости, на груди — дощечка с надписью: «Конец одного партизана». За спиной — приписка от берданки. Они изуродовывали, палили. Смотрите, мол, что за партизан. И люди смотрели. Смотрели на то, как повели Сашу к дереву, как надели петлю, как выдвинули затворники фотоаппаратов фашисты, спеша увековечить свой «подвиг». Все запомнили люди. А еще запомнили они, как выпрыгнул вдруг Саша, как расправил плечи и закричал: «Нас много, всех не перешибает!»

Ничем особенным не выделялся Саша среди сверстников. Но распахнула беда, не спросив, ворота, настал час великих героев, и встал им навстречу Саша Чекалин.

В Чекалино, на могиле юного героя, стоит памятник. Фигура мальчишки в шапке-ушанке, с автоматом в руках... И по улицам города бегают мальчишки, и многих из них зовут Сашками. Они играют в войну, играют в Чекалина. Жизнь продолжается.

Вл. КИСЕЛЕВ.
(Нам спец. корр.)
г. Чекалин.

Вырезки из газет, хранящиеся в семейном архиве.

Чкалин Павел Николаевич — отец Саша
Чкалин Михаил Алексеевич
Чкалин Николай Алексеевич
Чкалин Петр Алексеевич

Фото документов из семейного архива

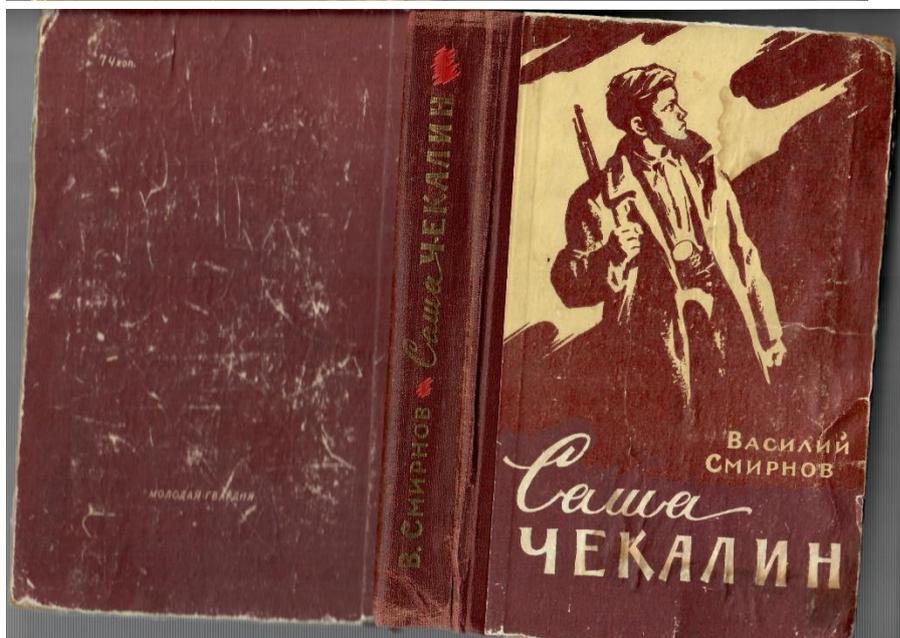
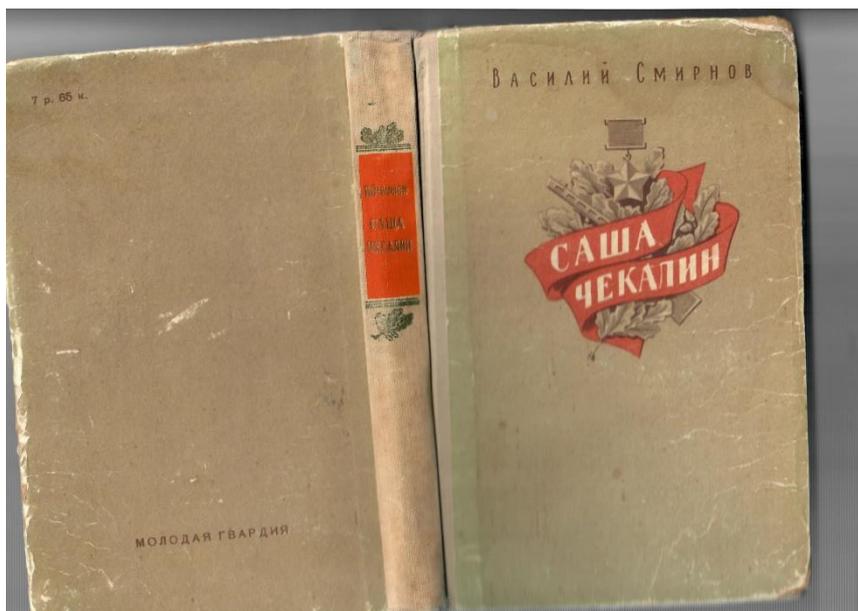

В нашей семье знают эту историю, поэтому у нас хранятся вырезки из газет, фотографии с отцом Александра, фотографии могилы и памятника на главной площади города Чекалина.

У нас есть даже две книги.

Смирнов В. Саша Чекалин. Повесть. М. Молодая гвардия, 1955. 318 с. С автографом писателя.

Смирнов В. Саша Чекалин. Повесть. М. Молодая гвардия, 1961. 400 с.

Можно сказать, что мы с юным партизаном были ровесниками. Если сравнивать его с моими одноклассниками в колледже, то сразу возникает вопрос, смогли бы они повести себя так же, как Александр? Смогли бы они совершить такой же подвиг? Мне кажется, что в наше время люди стали трусливее и эгоистичнее. Это связано с тем, что сейчас нет комсомольских организаций, в семьях воспитывают совсем по-другому. Интересы общества ставятся ниже желаний личности.

Врезалось в память то, как пытали Александра и устроили открытую казнь на главной площади г. Лихвина. Благодаря подробному описанию его гибели я очень чётко стала понимать слово «фашист».

А сейчас расскажу об одном случае из моей жизни. В Центральном музее Вооружённых Сил РФ имеется инсталляция о Саше. Я представилась как дальняя родственница Чекалина. Паспорт с заветной фамилии, доказывающий, что я Чекалина Валерия, у меня с собой, копии документов тоже.

Мне пробили входной билетик в Центральный музей Вооружённых Сил Российской Федерации. Позвали научного работника Наталью. Она долго сравнивает меня с фотографией. Я представилась. Долго объясняла степень родства. Наталья сказала, что все вещи и документы Александра Павловича Чекалина, в честь которого переименован город, хранятся в других фондах или архив.

Меня отвели к витрине: рубашка, радиоприемник и фото с историей.

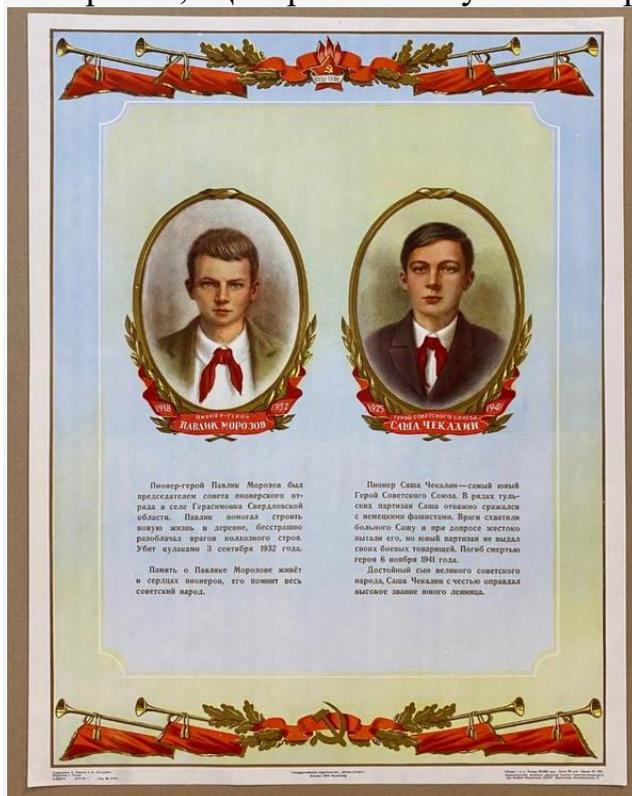
Мы обменялись телефонами. Наталья сказала, что по мере возможности будет скидывать мне фото вещей Александра Чекалина. Все потому, что я Чекалина.

Еще три предмета (доска с надписью: «Конец одного партизана», висевшая на груди замученного Героя Советского Союза партизана-разведчика Александра Чекалина; кепка Героя Советского Союза партизана-разведчика Александра Чекалина; ремень поясной Героя Советского Союза партизана-разведчика Александра Чекалина) временно находятся в музее «Дорога памяти».

Мне посоветовали изучить информацию о музейном комплексе «1418 шагов к Победе» <https://1418museum.ru/>.

Звонила на горячую линию насчет музея в «Патриот» в Кубинку, писала на эл. почту, спустя 2 дня получила ответ.

Таким образом, я взаимодействовала с музеями в г. Чекалина, с музеем «Патриот», Центральным музеем Вооруженных Сил Российской Федерации.

Живопись "Саша Чекалин". Художник М.И. Самсонов. 1955 г.

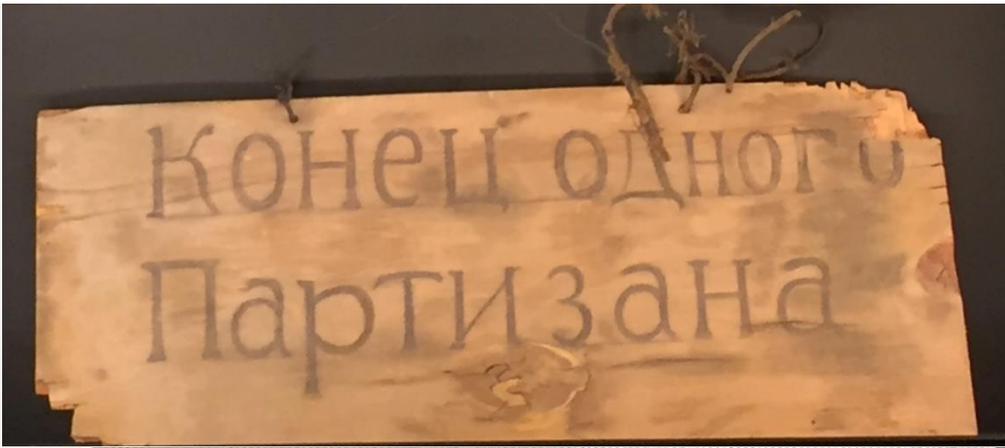

ЧЕКАЛИН АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ
(1925-1941)
РОД. В С. ПЕСКОВАТОЕ СОВР. ТУЛЬСКОЙ
ОБЛАСТИ. СВЯЗНОЙ И РАЗВЕДЧИК В
ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ «ПЕРЕДОВОЙ».
СХВАЧЕН КАРАТЕЛЯМИ И 6.11.1941 г.
ПОВЕШЕН В Г. ЛИХВИНЕ, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА (4.2.1942 г., ПОСМЕРТНО). С 1944 г.
ИМЯ ГЕРОЯ НОСИТ ГОРОД ЛИХВИН.

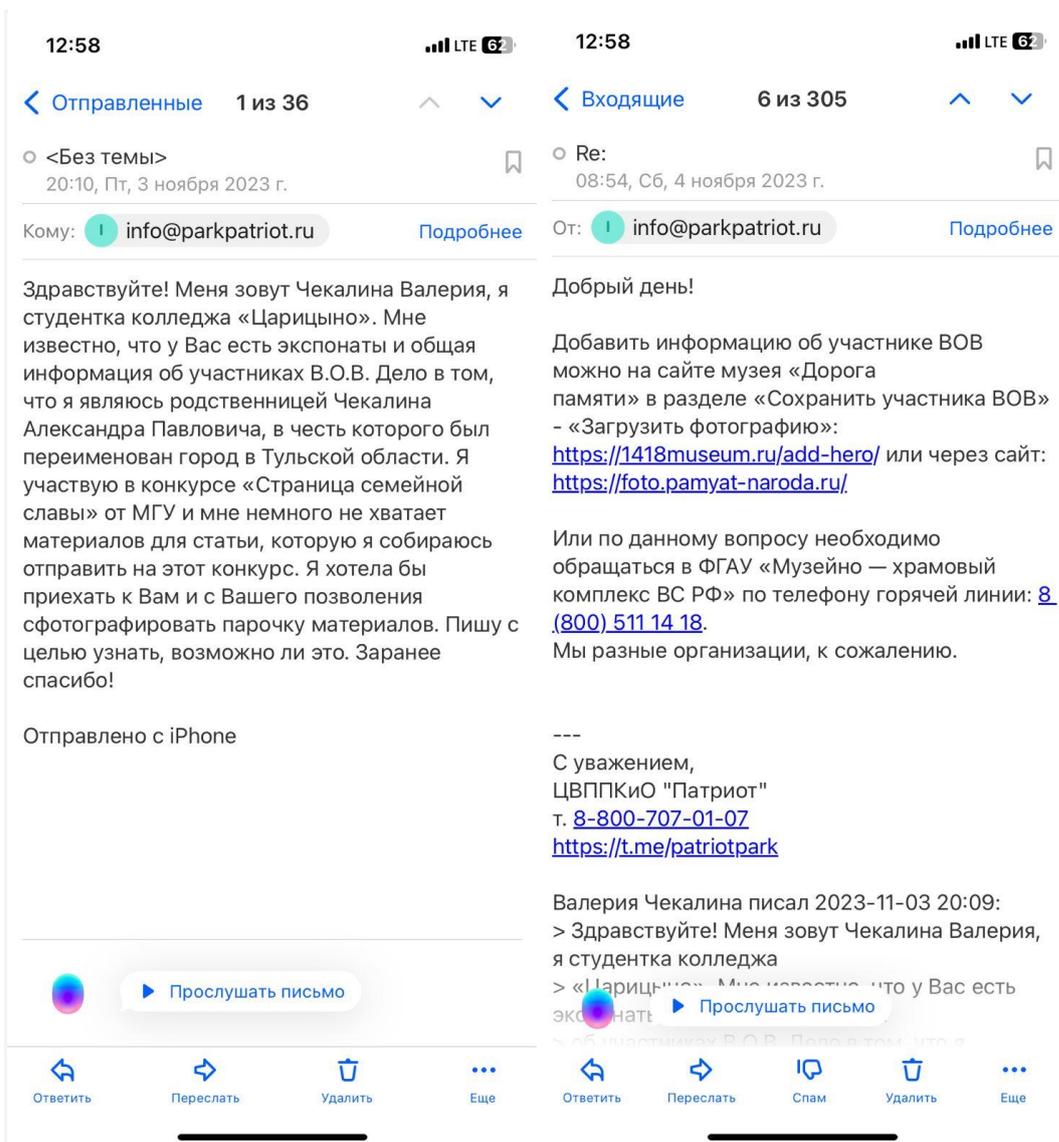
РУБАШКА А.П. ЧЕКАЛИНА.

ТУЛЬСКОЙ
ВЕРЖИ В
СРЕДОВОЙ...
6.11.1941 г.
А. СОВЕТСКОГО
ГНОУ. С 1944 г.
УХВМ.

ШТЫК КЛИНКОВЫЙ ОТ 7,62 мм САМОЗАРЯДНОЙ
ВИНТОВКИ СВТ ОБРАЗЦА 1940 г. НАЧАЛЬНИКА
ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА КЛИНСКОГО
РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ Н. И. СКРЯБИНА.

Алекса́ндр Па́влович Чека́лин

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD,%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>

Родился 25 марта 1925 года в селе Песковатское (ныне— Суворовского района Тульской области) в семье служащего. Русский. Сын охотника, с малых лет научился метко стрелять, хорошо знал окрестные леса. Играл на мандолине, увлекался фотографией. В 1932 году поступил в сельскую школу. С 1938 года семья переехала в город Лихвин, куда в райисполком перевели работать мать Надежду Самойловну. В мае 1941 года Саша окончил 8 классов средней школы. Член ВЛКСМ с 1939 года. В школе больше всего интересовался физикой и природоведением: знал латинские названия многих луговых трав и цветов. В 15 лет носил на груди значки «Ворошиловский стрелок», ПВХО и ГТО, имел собственноручно собранный радиоприёмник. Товарищи прозвали его неугомонным, а в семье — Сашей-непоседой. В июле

1941 года Александр Чекалин вступил добровольцем в истребительный отряд, затем, при отступлении советских войск с территории Тульской области в ходе Тульской оборонительной операции, вместе с отцом ушёл в партизанский отряд «Передовой», где стал разведчиком. Занимался сбором разведсведений о дислокации и численности немецких частей, их вооружении и маршрутах передвижения. На равных с другими членами отряда участвовал в засадах, минировал дороги, нарушал связь противника и пускал под откос эшелоны. Командование отряда отмечало, что «особая страсть была у него к оружию. Всегда норовил раздобыть лишнюю гранату, винтовку да патронов побольше». Также выполнял обязанности радиста. В начале ноября заболел воспалением лёгких, и комиссар отряда Макеев П. С. направил его в деревню Мышбор к учительнице Музалевской, близкой к партизанам, у которой Саша мог бы отлежаться. Но в деревне он узнал, что его разыскивают немцы, а сама Музалевская арестована и отправлена в Лихвин. Тогда он решил уйти к себе в родной дом в село Песковатское. Заметив дым из трубы, староста Никифор Авдюхин сообщил об этом в немецкую военную комендатуру. Прибывшие немецкие части окружили дом и предложили Чекалину сдаться. По одним сведениям, в ответ Саша открыл огонь, а когда закончились патроны, бросил гранату, но она не взорвалась. Из допроса старосты Н. Авдюхина следует, что он лично с тремя немецкими солдатами подошёл к дому Чекалина для его ареста. Немецкие солдаты отправили вперёд старосту, но он побоялся, что Чекалин его застрелит, и спрятался у соседнего дома. Тогда немецкие солдаты открыли огонь, Чекалин выскочил из дома и попытался бежать, но был захвачен и доставлен в военную комендатуру. Несколько дней его пытали, пытаясь получить от него нужные сведения. Ничего не добившись, немецкие власти устроили показательную казнь на городской площади: он был повешен 6 ноября 1941 года. Акцию по повешению партизана возглавил приват-доцент из Кёнигсберга, почвовед Ханс Бейтельшпахер, в годы войны переводчик разведотдела при штабе XXXXIII армейского корпуса, позднее руководивший многочисленными «антипартизанскими акциями». В книгах, изданных в СССР, утверждается, что, стоя с петлёй на шее, Чекалин сбросил с себя фанерную доску с надписью «Такой конец ждёт всех партизан», а затем запел «Интернационал» и напоследок крикнул: «Нас много, всех не перевешаете!» По свидетельским показаниям очевидцев, перед гибелью Саша Чекалин молчал и тихо плакал. Что, однако, не умаляет его подвиг. После освобождения Лихвина советскими войсками в ходе Тульской наступательной операции был перезахоронен с воинскими почестями в городском сквере. 4 февраля 1942 года Александру Чекалину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. 3 апреля 1942 года житель села Песковатское Никифор Авдюхин и житель города Лихвина Алексей Осипов, сдавшие Сашу Чекалина немцам, были расстреляны по приговору суда. При пересмотре дела в 1957 и 1993 годах приговор был оставлен без изменения.

• В 1943 году в честь Александра Чекалина был назван один из действующих на территории Московской области партизанских отрядов.

• В 1944 году город Лихвин, где был казнён Александр Чекалин, был переименован в Чекалин. На могиле установлен памятник.
Есть картина «Саша Чекалин» (М. И. Самсонов, 1955).

В 1962 году на родине, в селе Песковатском Суворовского района, в доме, где он родился, открылся дом-музей Александра Чекалина, а также установлен бюст-памятник. • Его именем названа улица в городе Туле, а на одном из домов установлена памятная доска. Также в его честь названы улицы: в Кировском районе города Волгограда, в Советском районе города Уфа, в Кузнецком районе города Новокузнецка, Новосибирске, Минске (Белоруссия), Иркутске, Донецке, Перми, Бахчисарае, Артём (Приморский край), Актобе (Казахстан) и многих других населённых пунктах России и государств на территории бывшего СССР. Именем Саши Чекалина названы детские библиотеки в Приокском районе Нижнего Новгорода. Заельцовском районе Новосибирска. Ранее имя Александра Чекалина носила средняя школа № 17 в Советском районе города Тулы, а в средней школе № 10 города Липецка в годы СССР была пионерская дружина имени Александра Чекалина.

- На Аллее Пионеров-Героев в Челябинске ему посвящён один из барельефов.
- Первая книжка о нём «Шура Чекалин» была издана Тульским обкомом комсомола в 1942 году.

Вскоре о его подвиге узнали широко в СССР, и Александр стал образцом для подражания у целого поколения советских юношей и девушек, которые ушли на фронт «недолюбив, недокурив последней папиросы».

В 1955 году писатель Василий Смирнов написал повесть «Саша Чекалин».

В 1972 году режиссёр Инна Туманян сняла фильм «Пятнадцатая весна» про подвиг этого мальчика.

В 2015 году барельеф Александра Чекалина установлен на Аллее пионеров-героев (Ульяновск)

Память

- В 1943 году в честь Александра Чекалина был назван один из действующих на территории Московской области партизанских отрядов.
- В [1944 году](#) город Лихвин, где был казнён Александр Чекалин, был переименован в [Чекалин](#). На могиле установлен памятник.
- Картина «Саша Чекалин» ([М. И. Самсонов](#), 1955).
- В 1962 году на родине, в селе [Песковатском](#) Суворовского района, в доме, где он родился, открылся дом-музей Александра Чекалина, а также установлен бюст-памятник.

- Его именем названа улица в городе [Туле](#), а на одном из домов установлена памятная доска. Также в его честь названы улицы: в Кировском районе города [Волгограда](#), в Советском районе города [Уфа](#), в Кузнецком районе города [Новокузнецка](#), [Новосибирске](#), [Минске \(Белоруссия\)](#), [Иркутске](#), [Донецке](#), [Перми](#), [Бахчисарае](#), [Артём \(Приморский край\)](#), [Актобе \(Казахстан\)](#) и многих других населённых пунктах России и государств на территории бывшего [СССР](#).
- Именем Саши Чекалина названы детские библиотеки в Приокском районе [Нижнего Новгорода](#), Завельцовском районе [Новосибирска](#).
- Ранее имя Александра Чекалина носила средняя школа № 17 в [Советском районе](#) города [Тулы](#), а в средней школе № 10 города [Липецка](#) в годы СССР была пионерская дружина имени Александра Чекалина.
- На Аллее Пионеров-Героев в [Челябинске](#) ему посвящён один из барельефов.
- Первая книжка о нём «Шура Чекалин» была издана Тульским обкомом комсомола в 1942 году. Вскоре о его подвиге узнали широко в [СССР](#), и Александр стал образцом для подражания у целого поколения советских юношей и девушек, которые ушли на фронт «недолюбив, недокурив последней папиросы». В [1955 году](#) писатель Василий Смирнов написал повесть «Саша Чекалин». В [1972 году](#) режиссёр [Инна Туманян](#) сняла фильм «[Пятнадцатая весна](#)» про подвиг этого мальчика.
- В 2015 году [барельеф](#) Александра Чекалина установлен на [Аллее пионеров-героев \(Ульяновск\)](#).
- Памятник в городе [Чекалин](#).
- Могила в городе Чекалин.
- Школа, где учился А. П. Чекалин.
- Памятная табличка на Чекалинской школе с именем А. П. Чекалина.
- Барельеф Александра Чекалина на [Аллее пионеров-героев \(Ульяновск\)](#).

Я думаю, что обязательно нужно знать о подвигах своих родственников. Это наша дань уважения и благодарности за то, что они подарили нам мирное небо.

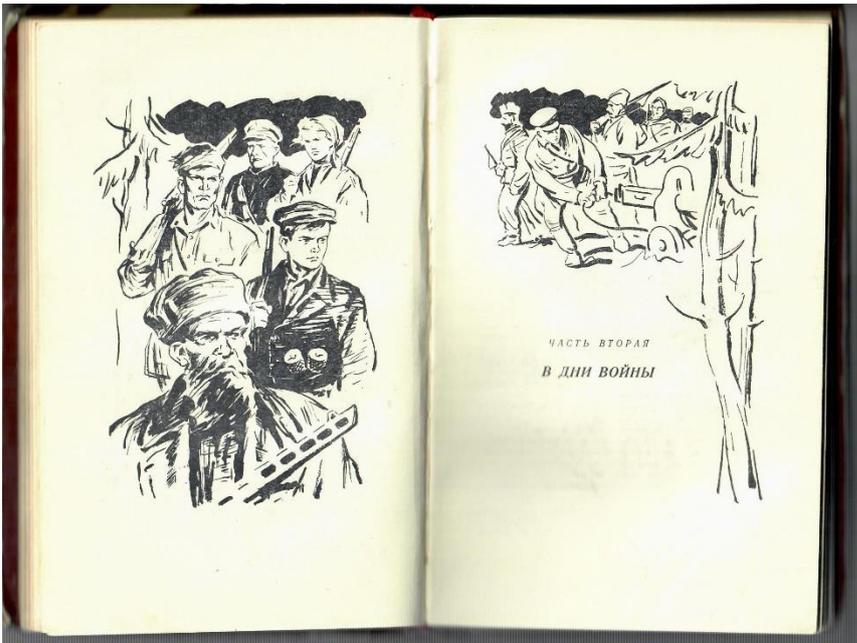
Отрадно, что в моей семье есть люди, которые увековечили себя в истории страны. Не только я, но и вся моя семья очень уважительно относится к этой теме – к войне и потерявшим своих близких с болью. А ещё, учитывая ситуацию в нашей стране на данный момент, можно сказать, что мы все относимся к войне со страхом, трепетом и всё-таки уважением. Родные рассказывали мне о том, как это страшно. Меня призывали и призывают помнить, что рассказывали родные о войне.

Не передать словами ту гордость, которую я чувствую, когда читаю, рассказываю о нём сама или слышу от знакомых какую-либо информацию на этот счёт. Я невероятно счастлива, что в моей семье есть такая история, были такие героические люди, что принадлежу к семье героического человека.

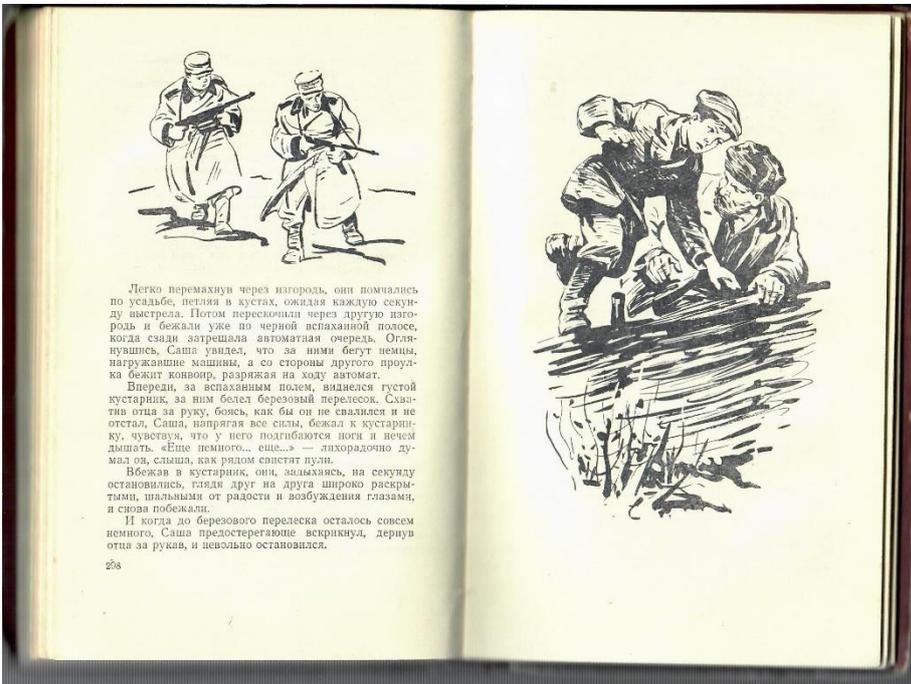
Семейной реликвией я считаю книгу Василия Смирнова «Саша Чекалин». Мне кажется, что никакой элемент одежды, никакое украшение, никакая другая вещь, кроме книги, не может быть так ценна. Чудесно, когда о таких людях, как мой дедушка помнят и увековечивают память о них.

К сожалению, я еще не была в городе, который назван в честь Александра Чекалина, но очень хочу. Я нашла в Интернете телефон краеведческого музея и позвонила в музей в г. Чекалине Тульской области. Узнала, что график работы в субботу и воскресенье с 9 до 15. Мне посоветовали на электричке ехать до Тулы, а потом с пересадкой – до г. Чекалина. Обязательно съезжу.

Я горжусь тем, что ношу фамилию Чекалина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В ДНИ ВОЙНЫ

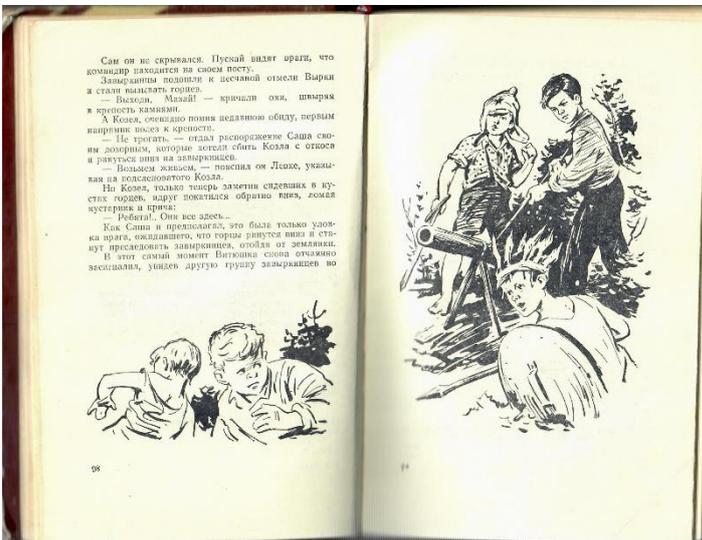

Легко перемахнув через изгородь, они помчались по усадьбе, петляя в кустах, ожидая каждую секунду выстрела. Потом перескочили через другую изгородь и бежали уже по черной вспаханной полосе, когда сзади затрещала автоматная очередь. Оглянувшись, Саша увидел, что за ними бегут немцы, нагружавшие машины, а со стороны другого проулка бежит конюх, разряжая на ходу автомат.

Впереди, за вспаханным полем, выдвинулся густой кустарник, за ним белел березовый перелесок. Схватив отца за руку, боясь, как бы он не свалился и не отстал, Саша, напрягая все силы, бежал к кустарнику, чувствуя, что у него подгибаются ноги и нечем дышать. «Еще немного... еще...» — лихорадочно думал он, слыша, как рядом свистят пули.

Бежав в кустарник, они, замаявшись, на секунду остановились, глядя друг на друга широко раскрытыми, шальными от радости и возбуждения глазами, и снова побежали.

И когда до березового перелеска осталось совсем немного, Саша предостерегающе вскрикнул, дернув отца за рукав, и несколько остановился.

Саша не скрывался. Пускай видят враги, что командир давит на своем посту.

Замедленным подполз к оставшей отдели Варя и стал выхватывать торпеды.

— Выходи. Мамант — кричали оха, шмыряя в крепость камнями.

А Колея, освещая фонарию недалеко обду, первым вынырнул возле крепости.

— Не трогать, — отдал распоряжение Саша своим дозорным, которые ждали сына Колея с отцом и ринулись вниз на заграждение.

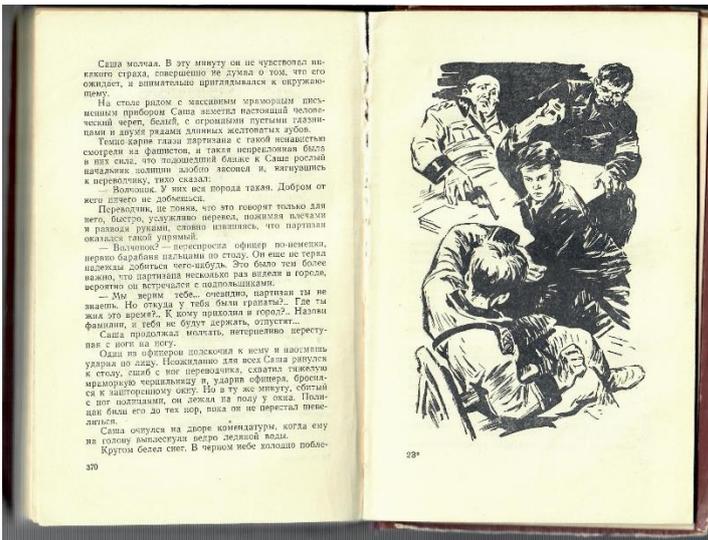
— Выходи жальней — приказал он Леше, указывая на расклевывающего Колея.

Ни Колея, только теперь заметив сидевших в кустах солдат, вдруг повалился обратно вниз, голова кустарника и впрямь.

Робята! Они все здесь...

Как Саша и предполагал, это были только уловки врага, ожидавшего, что горы ринутся вниз и станут присадоваться выжилившим, отбав от землянки.

В этот самый момент Витюшка снова отчаянно вскрикнул, увидев другую группу заграждения во

Саша молчал. В эту минуту он не чувствовал никакого страха, совершенно не думая о том, что его ожидает, и внимательно прислушивался к окружающему.

На столе рядом с массивным мрачным ирландским прибором Саша заметил настоящий велосипедный шлем, белый, с потрескавшимися резиновыми гайками и двумя рядами длинных жесточайших зубов.

Темно-красные глаза партизана с такой ненавистью смотрели на фашистов, и такая непреодолимая была в них сила, что подошедший ближе к Саше рослый чехословак нахмурил лобные веки и, вытаращившись к черноволосому, тихо сказал:

— Вперед. У них вся порода такая. Добром от всего этого не добьешься.

Переводчик, не зная, что это говорит только для него, быстро усложнило нервы, повисая плечами и разводя руками, словно извиняясь, что партизан оказался такой дурным.

— Вперед! — несдержанно офицер по-прежнему, не вставая, прыгнул по столу. Он еще не перестал надеяться добиться чего-нибудь. Это было тем более важно, что партизана несколько раз видели в городе, вероятно он встает с подпольщиками.

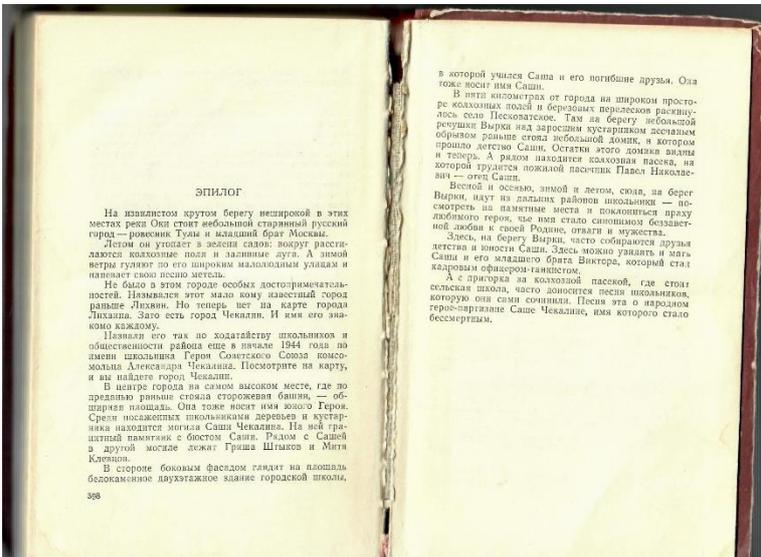
— Ми жерим себе... очевидно, партизан ты не знаешь. Но откуда у тебя были гранаты? Где ты взял это оружие? К кому выехали в город? Назови фамилии, и себя же будешь держать, опутать.

Саша продолжал молчать, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

Один из офицеров подошел к нему и шапкой ударил по спине. Несомненно для всех Саша рывком к столу, схватив вон перчатку, схватил гранату и метнулся червоточкой в узкий проход, бросив ее к нагнетавшему окну. Но в ту же минуту, оббитый с ног подлания, он лежал на полу у окна. Писанная была его до тех пор, пока он не перестал двигаться.

Саша открыл на дворе коленца, когда ему на голову выплеснуло ведро ледяной воды.

Крутом белел снег. В черном небе кололо побое-

ЭПИЛОГ

На извилистом крутом берегу неширокой в этих местах реки Ока стоит вековой старинный русский город — ровесник Тулы и младший брат Москвы.

Летом он утопает в зелени садов: вокруг расстилаются кохлявые поля и зеленые дуги. А зимой ветры гонят по его широкому выжидательному утесам и навевают своим несно мотель.

Не было в этом городе особых достопримечательностей. Известен этот мало кому давний город равнее Лихвин. Но теперь нет на карте города Лихвин. Зато есть город Чекалин. И имя его знакомо каждому.

Известен его так по ходатайству школьником и общественности района еще в декабре 1944 года по имени школьница Герои Советского Союза комсомольца Александра Чекалина. Посмотрите на карту, и вы найдете город Чекалин.

В центре города на самом высоком месте, где по древнему рывку спуска створжеван банья, — общерная площадь. Она тоже несет имя жозо Героя. Среди посаженных школьниками деревьев и кустарника находится могилка Саша Чекалин. На ней традиционной плиткой с бюстом Саша. Рядом с Сашей в другой могиле лежат Гриша Штанок и Митя Корюнов.

В стороне боковым фасадом глядит на площадь белокаменная двухэтажная здание городской школы,

в которой ушел Саша и его погибли друзья. Она тоже несет имя Саша.

В пяти километрах от города на широком просторе кохлявых полей и берегами перелеском раскинулось село Пескоматское. Там на берегу небольшой речушки Вырки над заросшим хустиарником джестальном обрывком раньше стоял вековой домик, в котором прошло детство Саша. Остатки этого домика выды и теперь. А рядом находится каменная пасека, на которой трудится поживой писатель Павел Николаевич — отец Саша.

Весной и осенью, зимой и летом, сюда, на берег Вырки, идут на дальних районах школьники — посмотреть на памятные места и поклониться праху любимого героя, чье имя стало синонимом беззаветной любви к своей Родине, отваги и мужества.

Здесь, на берегу Вырки, часто собираются друзья детства и юности Саша. Здесь можно увидеть и мать Саша и его младшего брата Виктора, который стал кадровым офицером-танкистом.

А с приютом на кохлявой пасеке, где стоит сельская школа, часто доносится рева школьником, которую она сама сочинила. Песня эта о народном геро-свиртанце Саше Чекалин, имя которого стало бессмертным.

— Как это в первом? — Саша недоумевающе посмотрел на Петровича.

— Жизнь учиться будешь, — пояснил Матюшкин, свертывая козью ножку. — Жизнь-то наша вот какая, — он окинул долгим задумчивым взглядом лесные дебри, посмотрел на серое осеннее небо. — Все мы теперь в первом классе... экзамен держим на будущую жизнь. Вот — видишь?.. — Он сорвал бледный лесной цветок иван-да-марьи и показал Саше: — Тоже... как и я — оцвелел друг сердечный... — И смахнул с глаз набжавшую слезинку.

С удивлением Саша увидел то, что раньше не приметил, — желтые лепестки цветка уже завяли, остались только неприметные — лиловые.

Утром, проснувшись, они шли вместе на ручей умываться.

Сняв рубашку, Саша с наслаждением мылся холодной ключевой водой, чувствуя, как приятно разгорается тело.

— Молодец! — присаживаясь на корточки перед ручьем, одобрял Петрович. — Вода — она на вид суровая, студеная, а человеку она мать родная. И ласкает и закаляет.

Сам он не снимал рубашки, а только плескал себе на лицо, на бороду пригоршни студеной воды, громко фыркая и жмурясь.

— Я бы тоже, да у меня от холодной воды кости ломит, — оправдывался он. — Простуженный у меня организм. Еще со времен гражданской войны. Тоже партизанить пришлось. Вот тогда-то дела у нас были...

Рассказывать он мог часами, но выникать в его скороговорку было трудно, особенно когда он начинал волноваться.

Незаметно для себя Саша все больше привязывался к старому партизану, привыкал к его торопливой скороговорке.

Другого склада был Ефим Ильяч Костров, украинец из Полтавщины. Саша слышал, что перед войной он работал секретарем райкома партии в одном из подмосковных районов.

242

16*

сомневаясь в прочности плота, говорил Саша, вытирая с лица пот.

Степок вспомнил про бревенчатый настил на дороге через ручей. Разобрать и притащить бревна не представляло большого труда. Теперь плот стал массивным, способным выдержать сразу несколько человек.

В намеченном месте на берегу реки ребята уже ждали Алексея. Он вынырнул из кустов и молча подошел к Саше.

Ребята насторожились, увидев рядом человека в немецкой форме и с автоматом в руках.

— Это свой, — успокоил Саша.

— Тоже партизаны? — спросил Алексей, разглядывая ребят.

Саша утвердительно кивнул головой.

— Вот здорово! — шептал на ухо Егорушке Степок. — Поди разберись — настоящий немец или фальшивый.

— А это мы сейчас узнаем... — Егорушка храбро подошел к Алексею и уставился на него.

— Тебе чего? — спросил Алексей.

— А вы что, дядя, советский или из русских немцев?

Алексей внимательно поглядел на Егора.

— Настоящий советский... — пояснил он. — Теперь ты успокоился?

— Вполне... Теперь порядок... — Егорушка, довольный отроетом, снова отошел к ребятам.

— Слышали? — горделиво сообщил он. — Я все разузнал.

Где-то вдалеке в противоположной от реки стороне послышался взрыв.

— Это наши... — успокаивая Алексея и ребят, пояснил Саша. — От переправы вниманье отвлекают.

Вскоре в сумерках показались остальные красноармейцы. Они длинной вереницей тихо шли по берегу реки, слегка поблескивая винтовками. С ними, прихрамывая, шел и капитан Антипов.

— Все готово! — сообщил Саша по-военному

310

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Детство и юность	5
Часть вторая. В дни войны	163
Эпилог	398

Скряпов Василий Иванович

САША ЧЕКАЛИН

М., «Молодая гвардия», 1961, 400 с. с илл.

Редактор А. Алексеев Худож. редактор В. Пашико
Художник В. Мандельбром Техн. редактор Л. Крутикова

Подписано к печати 31/X 1961 г. Бум. №У1081/61
Печ. л. 12,5 (20,5). Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1427. Цена 74 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суздальская, 21.

остались в коридоре, а Тимофеев, поставив у двери стул, вынул из кармана пару гранат, револьвер и приготовился.

Первым пришел бургомистр — высокий мужчина с черной окладистой бородой. Он спокойно, ничего не подозревая, открыл дверь, переступил через порог — и лицом к лицу столкнулся с человеком в потертом ватнике и шапке-ушанке.

— Вы... вы... уже здесь... — прошептал бургомистр, поблдев и заметно задрожав. Он сразу весь как-то обмяк, осел.

— Да, господин бургомистр, здесь, — резко ответил Тимофеев.

В руках у него блеснул револьвер.

— Оружие есть? Положить сюда.

Бургомистр трясущимися руками вынул из кармана наган, положила его на стул и сел вдали, на указанное ему место.

Снова заскрипели замерзшие ступеньки. Послышались тяжелые шаги — и на пороге показался грузный, обрюзгий Якиши. Так же, заикаясь от неожиданности и страха, он покорно отдал свое оружие и сел поодаль от бургомистра, куда указал ему Тимофеев.

Один за другим приходили предатели: Шутенков, Капитонов, Орлов... Потом явились их помощники и сподвижники.

Ошеломленные встречей с партизанами, они трусливо сдавали оружие и садились поодаль друг от друга.

Могильная тишина стояла в городской управе, где сейчас сидели недавние хозяева города. Только слышалось, как скрипели под ногами приходивших на «заседание» ступеньки лестницы.

И когда в городской управе собралось двенадцать предателей — все, кого Ковалев пригласил, — Тимофеев встал, подошел к столу.

— Ну, господа начальники, собрались? — резко спросил он, зорко оглядев предателей.

Это последнее заседание городской управы в городе Лихвине, еще занятом врагом, произошло вече-

ром 24 декабря. А утром передовые части Красной Армии вступили в город.

...В морозный январский день жители города хоронили Сашу Чекалина. Море обнаженных голов чернело на площади. Величаво и скорбно пели медные трубы военного оркестра. С воинскими почестями провожали жители города и района в последний путь своего сына, героя-бойца. Партизаны бережно несли на руках обтянутый кумачом и украшенный зеленой хвоей гроб с телом Саши.

В этот же день в пятидесяти километрах от города красноармейцы вели под конвоем предателя Авдюкина, который пытался скрыться с отступающими гитлеровскими частями.

А весной, когда растаял снег и зашумела-забурлила, сбрасывая свои ледяные оковы и словно смывая с себя всю фашистскую нечисть, мгушая в половодье Ока, стала известна судьба Гриши Штыкова и Мити Клевцова. На берегу реки во рву нашли жители города полузасыпанные землей и страшно изуродованные трупы Гриши и Мити с пулевыми ранами на затылке. Слух о том, что они согласились уехать на работу в Германию, оказался провокационным. Тут же рядом лежал труп фашистского прихвостня Чугрея, тоже с пулевой раной на затылке. Видно, выполнив свою роль палача, он уже стал больше не нужен и даже нежелателен своим хозяевам — фашистам.

Ни один предатель, виновный в гибели юных героев, не ушел от народного возмездия.

Филька Сыч выскочил первым, но не пошел домой — об этом уже сообщили Саше друзья.
— Ты не бойся... — говорил Саше Егорушка. — В случае чего я тоже... — он засучил рукава, давая понять, что готов к бою.

Сергея нерешительно топтался на месте, но тоже не уходил. У крыльца на всякий случай дежурили Степок и Левушка.

— Вы не ходите за мной, — прошептал Саша, когда они спустились с крыльца.

Ребята немного поотстали. Саша пошел навстречу Фильке Сычу, который стоял на дороге в ожидательной позе. Возле него, сдвинув на макушку шапку, вертелся Пузан. Немного в стороне Лиходей из изгороди вытаскивал кол. Увидев Сашу, он ослабился и с колом в руках пошел навстречу. Сердце у Саши невольно екнуло. Он оглянулся — на месте ли его друзья, и не так уже смело приблизился к Фильке.

— Драться хочешь? — спросил он. — За то, что я правду о тебе сказал? Ну на, бей...

Саша для чего-то снял шапку, расстегнул ворот белой рубашки, шубейка у него была нараспашку. Подобной выходки Филька не ожидал, он даже побледнел от досады. По неписаным песковатским законам в таком случае бить противника не полагалось. Завыркины с любопытством следили за Филькой. Издали с тревогой наблюдали за Сашей его друзья. Саша видел, что даже девочки не ушли домой и толпились у амбара.

Среди них он заметил Тоню. Неподдалеку был Саши дом, но у него и мысли не было бежать. Он смотрел на Фильку и думал: «Ударит или нет?» Но Филька медлил.

— Стану я с тобой связываться... — презрительно заявил он.

— Ну, колхозники... Кто кого?.. — науськивая ребят, крикнул шедший мимо одиночник Авдюхин, живший на Завырке. Последнее время он работал пожарником в городе и относился к деревенским с явным пренебрежением.

66

Это последнее «заседание» городской управы в городе, еще занятом врагом, произошло вечером 24 декабря...

Двае суток город находился в руках партизан, пока подошли передовые части Красной Армии. Ни один из предателей, повинных в гибели Саши Чекалина, не ушел от народного возмездия.

В морозный январский день жители города хоронили Сашу Чекалина.

Море обнаженных голов чернело на площади. Вслезно и скорбно рыдали медные трубы военного оркестра. С воинскими почестями провожали жители города в последний путь бойца-героя. Партизаны бережно несли на руках обтянутый кумачом и украшенный зеленой хакой гроб с телом Саши.

Опустив обнаженные головы, шли за гробом Павел Николаевич и школьные товарищи Саши из города, из Песковатского.

Сашу похоронили на площади в сквере, недалеко от ясеня, на котором был повешен юный партизан.

Позже, уже весной, стала известна судьба Гриши Штыкова и Мити Клевцова. На берегу реки, во рву, жители города обнаружили слегка засыпанные землей изуродованные трупы Гриши и Мити. Повесить их, как повесили Сашу, фашисты, видимо, не решились, испугавшись ненависти народа.

Замученных в фашистском застенке Клевцова и Штыкова похоронили на площади, рядом с Сашей.

Друзья Саши вскоре ушли в армию: Наташа, Вася Гвоздев, Володя Малышев, Егор Астахов. Ушли на фронт и ребята из Песковатского, те, кто собрался у Саши в избе в последний раз, и партизаны Алеша, Таня, Клава. В тот вечер, когда Клава стреляла в предателя-старосту, им удалось благополучно скрыться из села, воспользовавшись замешательством врагов.

313

Не выдержав, шумно вскакивает с нар побледневший Дубов.

...Но вот наступил день, когда Павел Николаевич узнал о Саше, а потом и о жене и младшем сыне, о том, что их тоже забрали в Песковатском и отвели в комендатуру, в которой они бесследно исчезли...

Лицо у Павла Николаевича почернело, щеки ввалились, а глаза побелели, стали мутными, словно незрячими. Он стал еще более молчаливым, замкнутым.

Надежда Самойловна с Витюшкой шли глухими дорогами от одной деревни к другой, пробираясь к линии фронта.

Опережая их, летела людская молва о шестнадцатилетнем школьнике Саше Чекалине, которого даже на виселице не могли сломить враги.

Восемнадцать суток мать и сын пробирались к своим по разоренной, обугленной родной земле.

Наконец, недалеко от Тулы, в районе Косой Горы, действовавшие в тылу врага разведчики помогли им перейти линию фронта.

Разведчики привели Надежду Чекалину с Витюшкой в штаб полка пехотной дивизии, занимавшей оборону в районе Косой Горы.

— Ты кто? — спросил Витюшку командир части, удивленный, недетски суровым лицом и серьезным взглядом веснушчатого молчаливого паренька.

— Брат Шуры Чекалина, — ответил Витюшка, как будто все должны были знать о его брате.

И он не ошибся. Красноармейцы уже слышали об отважном юном партизане.

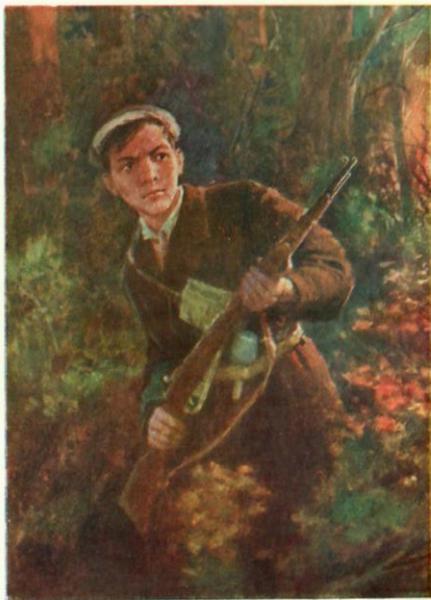
Красноармейцы приютили Чекалину с сыном. Отгорелось, немного отошло среди своих сердце матери.

В Туле она пришла в обком партии, где поменялась штаб обороны города, и там рассказала о своем погибшем сыне.

Попросила Надежда Самойловна помочь ей остаться в воинской части. Ее сердце жаждало места за сына и за мужа, которого она тоже считала погибшим.

20 В. Билибин

305

ВАСИЛИЙ СМИРНОВ

E. Belov

САША ЧЕКАЛИН

ПОВЕСТЬ

Издательство ЦК ВЛКСМ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1955

зашумела... Повинуясь общему порыву, все, как один, обнажили головы. Вместе с Сашей пели уже десятки... сотни голосов...

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

Напрасно суетились полицай, злобно и растерянно кричали:

— Молчать!.. Шапки надеть...

Песня, словно на крыльях, неслась над площадью. Собрав последние силы, Саша ударил ногой палача и крикнул:

— Да здравствует Сталин!

В толпе на площади многие плакали...

Это было 6 ноября 1941 года.

Витюшку с матерью привели в город в то время, когда на площади происходила расправа над Сашей.

Подымаясь по дороге к городу, Витюшка услышал доносивший издали звонкий голос, выкрикивавший что-то. Этот голос он мог бы отличить от тысячи других. Это кричал Саша!

Лицо у Витюшки побелело, он судорожно схватил мать за руку.

— Мама! Слышишь? Это Шура... Это он...

Сзади его подтолкнул прикладом солдат, что-то крикнул на чужом языке.

Витюшка напряженно вслушивался. Вот сразу много голосов подхватило «Интернационал»...

Услышала и Надежда Самойловна.

Мать и сына привели на площадь, когда все уже разошлось.

На ясеке, чуть покачиваясь от ветра, висело тело Саши. За плечами у него была старая ржавая винтовка, которую в наемку повесили обозленные палачи. За поясом торчали гранаты, а на груди была прикреплена фанерная доска с надписью: «Конец одного партизана».

У Надежды Самойловны подкосились ноги.

302

— Прощай, сынок! Прощай, Шурик! — прошептала она и, поклонившись сыну до земли, как слепая, спотыкаясь, пошла за конвоирами.

За ней плелся Витюшка, сгорбившись, не решаясь оглянуться назад...

Надежду Самойловну привели в комендатуру, а Витюшка, замешкавшись, остался внизу у крыльца, среди толпившихся на улице солдат.

Теперь Надежде Самойловне было все равно. Она не чувствовала страха, в ее душе была теперь только ненависть, страшная, жгучая ненависть к врагу.

Когда один из предателей — черноротый, франтовато одетый Шутенков, узнав ее, злобно засмеялся и сказал: «Ну, коммунистка... попалась...» — Надежда Самойловна подошла к нему, смерила с ног до головы гневным взглядом:

— Нет, мы, коммунисты, не скрываемся!

В помещении были другие арестованные, дожидавшие решения своей участи. Все теперь смотрели на Шутенкова и Чекалина. Он побагровел.

— Ишь ты, какая... Тебе не известен наш закон — всех коммунистов истреблять?

— Давно ли этот фашистский закон твоим законом стал?

Подошел офицер гестапо и, слыша, как взгляново закричал побагровевший Шутенков: «Расстреляем...» — подтвердил по-русски:

— Да, расстрелять.

— Ладно! — крикнула Чекалина, сбросив с головы платок и подступая к офицеру. — Стреляйте... Мужа моего вы убили. Сына убили... Убивайте уж и младшего сына. Казните меня вместе с ним. Я сама вам его приведу...

Надежда Самойловна, как в бреду, бросилась к двери. Часовой, видя, что офицер молчит, пропустил ее.

В это время о чем-то заговорили другие арестованные, отвлекая внимание.

Надежда Самойловна сбежала с крыльца.

— Бежим, сынок, — прошептала она и, схватив сына за руку, юркнула в проулок. Задами они пробра-

303

У К А З

Президиума Верховного Совета СССР
о присвоении звания Героя Советского Союза
тов. ЧЕКАЛИНУ А. П.

За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких захватчиков, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» ЧЕКАЛИНУ Александру Павловичу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР М. КАЛИНИН.

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль 4 февраля 1942 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С тех пор как Саша помнит себя, Вырка — его неизменный друг. Катит она свои звонкие, прозрачные струи мимо зеленого кудрявого березняка и ольшаника, мимо крутых песчаных бугров. Между этими буграми змеится узкой, заросшей старой черемухой и крапивой овраг. В овраге водится всякая нечисть и даже днем негдет сумрачно и сыро.

За горбатым бревенчатым мостом через большак речку легко перейти аброд, не замочив даже колен. Зато перед мельничной плотиной, внизудавшей Вырку на краю села, разлившаяся вода сердито бурлит и клохочет, как в бочке или как стот пена. Звонит на берегах Вырка! Лучшего места на всем Волге не найти.

Дом, где живет Саша, стоит на крутом берегу, в стороне от большака и вдали от соседних построек. Летом он прирастает в зеленую яблонь, кустов акacias и сирени, в зной его на крышу заносит сугробами снега.

3

лись на шоссе, смешались с проходившей колонной солдат и, быстро выйдя на проселочную дорогу, скрылись из города.

Почти сразу же спохватившийся Шутенков выскочил на крыльцо и, не найдя Чекалиной, поднял тревогу.

Напрасно в этот день полицейские искали Чекалину в городе: она была уже далеко.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Тихо, тоскливо в землянке.

Попрежнему остается незанятым место Саши на парах. Висит на кольшке Сашина гимнастерка с разорванным рукавом, компас, лежит разная всячина. Кажется партизанам, что вот-вот откроется дверь и на пороге покажется худощавая фигура Саши, прозвучит его звонкий голос. Но знают партизаны, что Саша больше никогда уже не вернется. Только Павел Николаевич не подозревает о гибели сына. Тщательно скрывают от него партизаны страшную весть.

Снаружи вьюга воеет волчьими голосами, заметая снегом вход в землянку. Слышно, как скрипят деревья.

Павел Николаевич принес из леса охапку дров, затопил печку. От общего молчания ему становится не по себе.

— Вот тоже — и радио вышло из строя, — с грустью говорит он, поглядывая на молчаливый радиоприемник, возле которого, вертя рычажками, трудится кто-то из партизан. — Да ничего, Шурка придет — починит. Для него это пара пустяков...

Павлу Николаевичу приятно поговорить о сыне. Он не видит, как у Машеньки начинают дрожать ресницы, как, уткнувшись лицом в подушку, всхлипывает Люба.

— Сходить завтра к Шурке, проведать?.. — решительно спрашивает Павел Николаевич у Тимофеева.
— Нельзя... рано еще... — отрывисто отвечает Тимофеев, стараясь не смотреть в лицо Павлу Николаевичу.

304

Все услышали звонкий, вздрагивающий голос Саши.

Глава седьмая	183
Глава восьмая	191
Глава девятая	199
Глава десятая	207
Глава одиннадцатая	217
Глава двенадцатая	221
Глава тринадцатая	227
Глава четырнадцатая	231
Глава пятнадцатая	237
Глава шестнадцатая	244
Глава семнадцатая	249
Глава восемнадцатая	253
Глава девятнадцатая	257
Глава двадцатая	264
Глава двадцать первая	268
Глава двадцать вторая	274
Глава двадцать третья	280
Глава двадцать четвертая	285
Глава двадцать пятая	289
Глава двадцать шестая	299
Глава двадцать седьмая	304
Глава двадцать восьмая	306
Эпилог	314

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В основе повести «Саша Чекалин» лежат подлинные события. Автор только изменил имена некоторых героев и названия населенных пунктов, а также передвинул во времени отдельные события.

Присылайте нам отзывы о содержании и художественном оформлении книги, а также пожелания автору и издательству. В письме укажите свой адрес, профессию и возраст.

Пишите по адресу: Москва, Сушеская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

в обратный путь. С помощью Наташи они добрались до своего города, когда там уже находились немцы.

Наташа решила тайно от соседей и дяди поселить у себя в чулане жену и тещу Тимофеева и сообщить об этом партизанам.

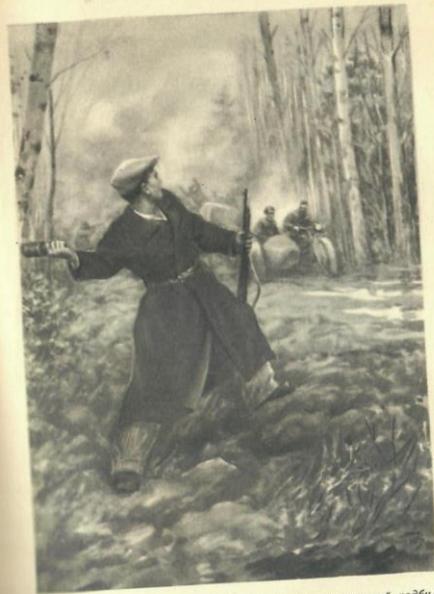
Она слышала, что почти каждый день на шоссе, на проселочных дорогах взрывались вражеские автомашины, из-за кустов стреляли в немецких солдат. Знала Наташа, что беспокойно чувствовали себя оккупанты и в городе. По ночам рвалась вражеская связь, оказывались порезанными шины у автомашины, плакаты и объявления на стенах домов срывались, замазывались.

По улицам ходили усиленные патрули, в различные места района посылались карательные отряды, расстреливали колхозников, подозреваемых в связи с партизанами. Приходя из комендатуры, дядя словоохотливо сообщал обо всем этом сестре, очевидно, не догадываясь, что через тонкую дощатую перегородку Наташе все слышно.

Из разговоров дяди Наташа поняла, что у партизан, несомненно, имеются свои люди в городе. Но как их найти?

Пытаясь размыслить этих людей, Наташа, измученная всем пережитым в дороге, ошеломленная предательством дяди, столкнулась, как и Егор Астахов, с настороженным, враждебным отношением к себе.

Встретив в городе Мальшева и Гвоздева, она попыталась поговорить с ними и убедилась, что от них ничего не узнает. Егор Астахов и давно ничего не знал. Он сам искал партизан. И только увидев на улице Сашу и Митю, она поняла, что идут они с немцами не случайно, а с какой-то целью. Короткая встреча с Сашей ничего не дала ей: она не могла сказать Саше в присутствии ребят о родственниках Тимофеева, хотя пыталась намеками дать ему понять, что ищет партизан, что у нее есть важные сведения. Саша пообещал, что на-днях даст знать о себе, и ушел. Славка, Генка и Костя, не отходя ни на шаг, явно охраняли его, враждебно глядя на Наташу. Все же Наташа ушла домой окрыленная. Она поняла, что он связан

Саша выскочил из кустов и удачно брошенной гранатой подбил мотоцикла.

— А правда, ребята, голос у меня сильный, только необработанный? Как дядя Коля говорит — неотесанный?

— Правда! — с серьезным видом подтвердил Саша, сморщив лоб. — Истинная правда: неотесанный...

Люба не обижается.

— Зато я со смыслом пою. Мою песню понимать надо. Это только ты в песне ничего-ничегошеньки не понимаешь.

— Как сказать... — возразил Саша и продекламировал:

Только песне нужна красота,
Красоте же и песни не нужны...

— Знаешь, кто это сказал?

— Максим Горький, — вмешалась Тая. — Ну, еще что скажешь, Шурик?

Саша замолчал. Хотя он и много читал, но Тая — учительница, состязаться с ней трудно.

— Сзади пошла Машенька, обняла Ташу за плечи.

— Мирной обет сегодня, ребята, будет!

...Утром над лесом выглянуло солнышко, хотя и в сероватой дымке, но по-летнему теплое, ласковое.

Все вылезли из землянок. У каждого появились неотложные дела. Кто чинил сапоги, кто зашивал порванную одежду.

В стороне, где находилась кухня и кладовка, струился сероватый дымок. Оттуда ветерок доносил приятный запах чего-то жареного, звонкие девичьи голоса и частую скороговорку Петровнича.

Все знали, что отряд готовится к новой, чрезвычайной сложной операции. Через своих людей Тимофеев узнал, что немцы в районе железнодорожной станции создали крупную базу горючего.

— Нас дожидается, — шутили партизаны.

С утра Тимофеев, Дубов и Костров ушли из лагеря неизвестно куда, никого из партизан не взяв с собой.

Еще потемну ушел и Павел Николаевич. Вместе с Данилкиным он отправился рыть запасную землянку в сороковой квартал. Там имелось удобное для парти-

240

Красноармейцы спустили плот на воду.

— Может быть, вам помочь? — нерешительно спрашивает Люба.

— Нет, мне помогать не надо, — резко, почти сердито отвечает Ефим Ильич. — Привыкаю, Любаша, один ориентироваться. Скоро буду с нашими на операции ходить...

Вместе с Любой Ефим Ильич возвращается в землянку, постукивая впереди себя палочкой.

— Что-то наши задержались, — говорит Люба. — Надо сходить в Песковатское, к Саше. Как он там поправляется?

Ефим Ильич думает: так мало еще времени сражался партизанский отряд, а уж столько потерь: погиб Трушкин; Митя Клевцов и Гриша Штыков в руках фашистов. Он контужен, слепой, Саша болен. Да и весь отряд тоже где-то застрял, и неизвестно, что с ним. О Таше и Клаве, отправившихся выполнять приговор над предателем-старостой, тоже ничего не слышно.

— Да, долго наши девушки не возвращаются, — вздыхает Костров.

Тая и Клава ушли выполнять задание на следующий день после того, как отправили Сашу в Песковатское.

Выдавая себя за возвращавшихся с окопных работ, девушки остановились в большом, растянувшимся почти на километр, селе на ночлег. Хозяйка дома оказалась разговорчивой и смелой на язык. Она дала исчерпывающую характеристику старосте.

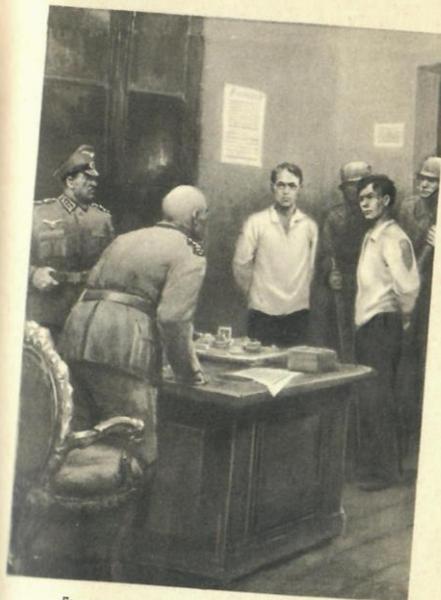
— Как только земля держит такого подлца, — жаловалась она. — Хотя бы партизаны его пострашили.

У этой женщины девушки прожляли несколько дней, каждый вечер выходя на дорогу, приглядываясь к встречным. Но староста на пути не попадался.

Тогда девушки решили зайти к старосте домой, будто бы для того, чтобы попросить у него справку-разрешение идти дальше в прифронтовую зону.

Староста, маленький шуплый человечек с черной борошкой, крикливый и разговорчивый, был дома не один. В его полутемной, жарко натопленной избе кучерява-

238

Гитлеровцы решили устроить им очную ставку.

Тоня вспыхнула и потупилась.
— До скорой победы, Шурик. — голос ее дрогнул.
Вслед за Тоней пожали Саше руку и остальные ребята.

Колхозное стадо уходило на восток.
Небо было серое, хмурое. Изредка моросил дождь.
Сходив домой и переодевшись, Саша снова выскочил на улицу и встретил Тимофеева, торопливо шагавшего к райкому партии.

— Возьми лошадь и съезди в Павловку, — распорядился он. — Узнаешь у председателя колхоза, выполнил ли он то, что я ему говорил.

Ни о чем не расспрашивая, Саша побежал к конюшне.

— На заданье! — крикнул он конюху Акимычу, оседлав Пыжика.

Обратно Саша возвращался поздно. Недалеко от города, на обочине дороги, он увидел застрявшую подводу с беженцами. Молодая белокурая женщина в старой шинели с кнутом в руках беспомощно суетилась возле лошади, лежащей в сбруе на земле.

На телеге среди узлов и разного скарба сидело четверо детей, один другого меньше, и седая дряхлая старушка.

Саша соскочил с Пыжика, распустил лежащую лошадь и, убедившись, что ей уже нельзя помочь, остановился, тронутый безысходным горем беженцев. На него смотрели круглые испуганные глаза малышей.

Нерешительно потоптавшись на месте, Саша торопливо снял сбрую с мертвой лошади, с помощью женщины оттащил ее в сторону, потом расседлал Пыжика и запряг его в телегу.

«Доедем до города, а там видно будет», — думал он, присаживаясь сбоку с вожжами в руках.

Приехав в город, он оставил подводу на улице у перекрестка, а сам побежал к Тимофееву. Но ни Тимофеева, ни Коренькова на месте не было. Вернувшись назад, Саша уже не застал Пыжика с беженцами. Очевидно, подхваченные общим потоком, они уехали. На сердце у Саши похолодело. Он побежал было по улице к мосту, но потом остановился, безна-

176

Кавалешников и Тимофеев уже наметили подходящее место для партизанских баз.

Вместе
в день 15-ти
от Тоня
Москва. 8 x 64

Надежда Самойловна была зачислена в медсанбат сначала санитаркой, потом медсестрой. Ее руки заботливо, по-матерински ласково перевязывали раненых. На своих плечах она выносила их с переднего края. Первое время мать и сын были вместе, но потом их пути разошлись. Медсанбат, в котором находилась Чекалина, ушел вперед. Виктор же остался в воинской части, действовавшей на соседнем участке фронта.

Снова мать и сын шли по родным местам, но уже в обратном направлении. Город Лихвин остался в стороне, в каких-нибудь 10—15 километрах. Но пробраться туда или в Песковатское было невозможно. Все дороги были забиты стремительно наступающими советскими войсками, машинами, повозками.

О том, что произошло в городе в последние дни перед освобождением и как хоронили Сашу, мать узнала позднее, из писем родных.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Двадцать суток висел труп Саши Чекалина на городской площади, круглосуточно охраняемый часовым. Так фашисты хотели устроить советских людей.

В расклеенном всюду приказе комендатуры было сказано: «Каждого, кто укроет партизан или поможет им, мы будем так же вешать...»

Сашины друзья, как могли, мстили гитлеровцам за Сашу. Они срывали со стен домов и заборов фашистские листовки, писали советские лозунги. Большего пока сделать не удавалось. Все строже становились фашистские порядки в городе. Почти каждую ночь происходили облавы, обыски, аресты — искали партизан. Долго в городе не знали, какая судьба постигла Митю Клевцова и Гришу Штыкова. Фашисты распустили слух, что ребята добровольно согласились поехать в Германию и уже уехали.

Когда увезли Митю и Гришу и действительно ли их увезли — толком никто не знал. Партизанам удалось установить, что ни в подвале комендатуры, ни в тюрьме их уже не было.

306

Партизанский отряд продолжал успешно проводить свои операции против фашистов. То там, то тут в разных местах района появлялась на снегу одна и та же надпись:

«За Сашу Чекалина».

А рядом лежали покореженные, подорвавшиеся на минах автомашины, повозки, сброшенные под откос вражеские эшелоны...

В непрерывных боях прошел ноябрь. Наступил декабрь со снежными вьюгами, морозами.

В партизанском отряде, который все увеличивался — приходили новые люди из окрестных колхозов, — труднее становилось с продовольствием, с боеприпасами.

Тогда отряд разделился на несколько групп, которые рассеялись по окрестным деревням и поселкам.

Основной же состав партизанского отряда — Костров, Тимофеев, Дубов, Матюшкин, Машенька, Алеша, Коротков, Петраев — остался на прежнем месте.

Во второй половине декабря партизанский отряд установил связь с наступающими частями Красной Армии.

24 декабря, в сумерках раннего зимнего вечера в заваленный сугробами снега город окольными тропинками пришли двое партизан. Это были передетые Дубов и Алеша.

В суматохе, вызванной внезапным обстрелом города артиллерией Красной Армии, никто не обратил внимания на колхозника в рваном полушубке и в стоптанных валенках и на рослого черноволосого парня с угрюмым, нахмуренным лицом. Они прошли в центр города и там неожиданно столкнулись с полицаем Ковалевым.

Ковалев, не узнав партизан, торопливо прошатгал было мимо, но Дубов остановил его.

— Куда торопишься, Прохор Сидорович? — спросил он старика, подойдя к нему вплотную.

— Уже пришли? — оторопел Ковалев, широко раскрыв глаза от удивления. — Рановато. Лютуют фашисты... Много еще войск в городе.

20*

307

— На такие курсы пока еще никого не посылаем, — сказала Чернецова, разбирая на столе бумаги. — А вот в Саратов тебя можем послать. — И, видя, что Саша смотрит недоумевающе, пояснила: — Эвакуируем ребят из детдома. Надо помочь в дороге.

— Ну... — у Саши даже изменился от обиды голос. — Я в истребительном батальоне... на военном положении...

От Чернецовой Саша ушел с поручением сообщить Наташе Ковалевой и Володе Малышеву, чтобы они зашли в райком.

Наташа была дома. Увидев в окне Сашу, она выбежала на крыльцо, на ходу опраляя белое простынное платье.

— Какой ты бессовестный, — укоризненно качая головой, говорила Наташа, ведя за собой по темным сеням гостя. — Забрал у меня книжку, обещал через несколько дней вернуть и все не вернулся.

Хотя Саша и на этот раз не захватил с собой томик стихов Некрасова и хотя она упрекала Сашу ворчливым тоном, черные глаза у нее смелелись и смуглые, оттененные легким пушком щеки заметно зарумянились.

В комнате, куда Наташа ввела гостя, все было занято делом. Прохор Сидорович сидел в своем коричневом кожаном фартуке у бокового окна за верстаком. Зажав между коленями сапожную колодку, он тонкими ударами молотка неторопливо вбивал один за другим гвозди в подошву и вполголоса тянул дребезжащим тенорком:

Во субботу, день ненастный,
Нельзя в поле работать...

Дарья Сидорова расположилась у другого окна за большим столом, на котором лежал ворох белой бумаги. Она быстро строчила на машинке, не обратив никакого внимания на вошедшего Сашу.

Зато Прохор Сидорович, вскинув на морщинистый лоб очки в медной оправе, остро взглянул на Сашу и по своей привычке подковырнул:

144

Саша отыскался, напав на следы сброшенных с самолета вражеских парашютистов-диверсантов.

нему работает пчеловодом на колхозной пасеке Павел Николаевич, отец Саши.

Рядом с площадью, на углу, — школа, в которой учился Саша Чекалин и его погибшие друзья. Она тоже носит имя Героя.

Оттуда часто доносится любимая песня школьников, которую они сами сочинили. Песня эта о народном герое Александре Чекалине, имя которого стало бессмертно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Глава первая	3
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	35
Глава восьмая	39
Глава девятая	44
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	58
Глава двенадцатая	62
Глава тринадцатая	71
Глава четырнадцатая	78
Глава пятнадцатая	87
Глава шестнадцатая	82
Глава семнадцатая	92
Глава восемнадцатая	98
Глава девятнадцатая	102
Глава двадцатая	109
Глава двадцать первая	115
Глава двадцать вторая	120

Часть вторая

Глава первая	131
Глава вторая	140
Глава третья	149
Глава четвертая	158
Глава пятая	165
Глава шестая	170

317

молчаливо и быстро шагавших по дороге к Сашину дому. — «Полицай...» — похолодел Егорушка.

Присмотревшись, он увидел, как полицай и солдаты стали окружать избу, маскируясь в кустах. Егорушка быстро перемахнул через плетень, подкрался ближе. Он слышал, как полицай вломился в калитку, зашумели в сенях. Подзюком он пробрался еще ближе. В это же время звякнула калитка у дома, где жила Зина. Услышав голоса, она тоже выскочила на крыльцо, охваченная необъяснимой тревогой за Сашу. И Зина и Егорушка слышали, как затремела выбитая рама, звеня как сыпавшиеся осколки стекол. Сразу же прозвучало несколько коротких сухих револьверных выстрелов. Егорушка увидел, как караульщики у дома полиции и гитлеровцы сшибли Сашу с ног, навалились на него, и, скрутив руки, повели по дороге к мосту.

Возле дома Чекалиных все еще сутились солдаты. Очевидно, они еще кого-то искали.

Егорушка стоял у плетня, судорожно вцепившись в прутья. Ноги у него дрожали, в горле пересохло. — Выдали Сашу... Схватили Сашу... — беззвучно шептал он, не зная, на что решиться. Итти за Сашей — он понимал — бесполезно. Что один сделаешь? Чем поможешь Саше? Бежать к ребятам, но они дома, уже спят, наверно. Надо стучаться.

Он не заметил, что невдалеке стоит девушка в сбитом платке, в коротком жакете, в валенках... Это была Наташа. Как ни спешила она, ни бежала, было уже поздно. Она видела, как Саша вышиб раму и, выскочив в окно, упал. Потом быстро поднялся и, храпя, побежал, но один из полицаяев снова сшиб его с ног. Она видела, как Саша рвался, как били его, потом, скрутив руки, повели. Она все видела...

Кругом была темнота. Только снег неясно белел на земле, на крышах домов, на деревьях. Наташа тоже не заметила Егорушки, который, согнувшись, ползая по саду. Слезы душили ее. Упав на землю, она плакала от отчаяния, от жалости к Саше, от сознания своего бессилия...

Долго лежала Наташа возле плетня, пока холод от

284

мерзлой земли не привел ее в себя. Слез уже не было. Воспаленные глаза выскочили.

Закутав голову платком, спотыкаясь, Наташа ползла обратно в город. Она слышала, как на селе протяжно завывала чья-то собака. Потом прозвучал выстрел, и собака замолкла.

Это в доме стариков Чекалиных, словно почуяв, что произошло, был Тенор, пока вышедшие из избы фашисты не пристрелили его.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В тот вечер, когда фашисты схватили Сашу в Песковатском, партизанский отряд находился далеко от своей базы, осваивая соседний район.

Первая операция в незнакомых местах прошла удачно. Партизаны, заминировав участок железнодорожного полотна, пустили под откос товарный состав, а на обратном пути возле большого села, устроив засаду, обстреляли вражескую автоколонну на шоссе.

— Славно поработали, — оживленно говорили партизаны, возвращаясь в лагерь. Хотя необычайно длинный путь утомил людей, у всех было бодрое, приподнятое настроение.

Ночевать зашли в попутную деревню. Для большей безопасности на ночь остановились у старосты, рассчитывая, что он побоятся сообщить о постояльцах. Насмерть перепуганный староста готов был сделать все, что прикажут партизаны. После небольшого разговора нашлись у него и вино и закуска.

Утром, еще до рассвета, партизаны покинули «гостеприимный» дом старосты. Тимофеев пообещал ему больше не останавливаться на ночлег, а староста — седобородый солидный старик, раньше торговавший в Питере мороженым, — слезно клялся и божевался, что он выполнит любое задание, только бы партизаны больше не заходили к нему на дом, не губили его.

— Позвольте ярмо одел на себя, — убеждал он партизан, провожая их в утренних сумерках до околицы.

285

Партизаны заняли свои места. Дубов и Алеша остались в коридоре, а Тимофеев, поставив у двери стул, вынул из кармана пару гранат, револьвер и приготовился.

Первым пришел бургомистр — высокий мужчина с черной окладистой бородой. Он спокойно, ничего не подозревая, открыл дверь, переступил через порог — и лицом к лицу столкнулся с человеком в потертом ватнике и шапке-ушанке.

— Вы... вы... уже здесь... — прошептал бургомистр, поблдев и заметно задрожав. Он сразу весь как-то обмяк, осел.

— Да, господин бургомистр, здесь, — резко ответил Тимофеев.

В руках у него блеснул револьвер.

— Оружие есть? Положить сюда.

Бургомистр трясущимися руками вынул из кармана наган, положил его на стул и сел вдали, на указанное ему место.

Снова заскрипели замерзшие ступеньки. Послышались тяжелые шаги — и на пороге показался грузный, одутловатый Чугрей. Так же, занкаясь от неожиданности и страха, он покорно отдал свое оружие и сел поодаль от бургомистра, куда указал ему Тимофеев.

Один за другим приходили предатели: Шутенков, Капитонов, Орлов, Якшин... Потом явились их помощники и сподвижники.

Ошеломленные встречей с партизанами, они трусливо сдавали оружие и садились поодаль друг от друга. Могильная тишина стояла в городской управе, где сейчас сидели недавние хозяева города. Только слышалось, как скрипели под ногами приходящих на «заседание» ступеньки лестницы.

И когда в городской управе собралось двенадцать предателей — все, кого Ковалев пригласил, — Тимофеев встал, пошел к столу.

— Ну, господа начальники, собрались? — резко спросил он, зорко оглядев предателей.

Наружно он был спокоен, говорил негромко, но в груди у него все кипело и колоталось...

312

Ни один из предателей, повинных в гибели Саши Чекалина, не ушел от народного возмездия.

ЭПИЛОГ

Всю ночь, не переставая, гремела канонада.

К утру она стихла. В медсанбат, разместившийся в уцелевших от пожара избах на краю села, всю ночь и весь день подвозили раненых. Только к вечеру стало спокойнее. Впервые за весь этот тяжелый день Чекалина присела на крыльце отдохнуть.

— Надежда Самойловна! — донеслось из темноты. — Пойдемте в перевязочную, — газеты из полевой почты привезли...

В просторной избе, где помешалась перевязочная, собрались врачи, сестры, санитары. Все столпились вокруг стола, освещенного желтым светом маленькой керосиновой лампы.

— «От Советского Информбюро»... — вслух начал читать молодой врач, близко наклоняясь к лампе.

Закончив чтение сводки, врач пробежал глазами первую страницу «Правды».

— «Указ Президиума Верховного Совета, — услышала Надежда Самойловна. — За отвагу и героизм, проявленные в партизанской борьбе в тылу врага против немецких захватчиков, присвоить звание Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Чекалину Александру Павловичу...»

Надежда Самойловна, в первую минуту стоявшая неподвижно, вдруг шагнула к столу.

— Прочтите... Прочтите еще раз... — глухо произнесла она. — Это про моего сына. Про Шурика...

...Поздний вечер. На парах, разметавшись, тяжелым сном забылись раненые бойцы. Надежда Самойловна одна сидит за столом. Во всех этих газетах написано о ее сыне. Его называют героем, отважным партизаном, преданным сыном Родины.

«Мы никогда не забудем тебя, дорогой наш Александр Чекалин, — читает Надежда Самойловна передовую статью в «Комсомольской правде». — Память о тебе будет жить вечно. Имя твое будет всегда звать нас к борьбе...»

314

Слезы застилают матери глаза. Строчки путаются сливаются.

А вот ниже — список награжденных партизан.

«Может быть, это боевые товарищи Саши, делившие с ним трудности партизанской жизни и радости первых боевых удач?» — думает Надежда Самойловна.

Только позже Чекалина узнала, что среди награжденных партизан действительно были товарищи Саши по отряду.

Орденом Ленина награждены Ефим Ильич, командир отряда и комиссар. Орденом Красного Знамени — друзья Саши: Алеша и Петрович.

...Шли суровые годы войны.

В один из майских дней 1945 года на разбитой, перепаханной снарядами площади Берлина встретились Надежда Самойловна и Виктор. Долго ничего не знали они друг о друге. Война разлучила их, повела по разным дорогам. Но оба шли к одной цели — к победе.

Теперь это были уже опытные, бывалые воины. Виктор — офицер-танкист. На груди у него пять правительственных наград. Столько же наград и у старшего сержанта медицинской службы Надежды Самойловны Чекалиной.

Недалеко от Москвы, на крутом берегу Оки, расположен небольшой районный центр Чекалина.

Назван он так по имени Героя Советского Союза, комсомольца Саши Чекалина. Посмотрите на карту — и вы найдете этот город. В центре его площадь, засаженная молодыми деревьями и кустарником. На площади, за железной оградой, стоит небольшой скромный памятник с красной звездой. Здесь похоронен Саша Чекалин. Рядом другой памятник, над могилой замученных в фашистском застенке Мити Клевцова и Гриши Штыкова.

А в пяти километрах от районного центра находится колхоз имени Саши Чекалина, в котором попреж-

315